

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

В.Е. Гимпельсон, Г.А. Монусова

**СТРАХ БЕЗРАБОТИЦЫ И ПОВЕДЕНИЕ
РАБОТНИКОВ НА РЫНКЕ ТРУДА:
ОПЫТ МЕЖСТРАНОВЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ**

Препринт WP3/2009/04
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Москва
Государственный университет – Высшая школа экономики
2009

Г 48 Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Страх безработицы и поведение работников на рынке труда: опыт межстрановых сопоставлений: Препринт WP3/2009/04. – М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики. – 48 с.

В статье анализируются природа и масштаб межстрановых различий в субъективных ощущениях занятого населения по поводу социальной незащищенности на рынке труда. В качестве ключевого индикатора такой незащищенности используется показатель «страх безработицы», который замеряется с помощью представительных обследований, проведенных в 2005 г. в 24 странах Европы, Азии и Северной Америки. В работе показано, что интенсивность страха сильно варьирует как между странами, так и внутри стран, между отдельными группами населения. Рост безработицы усиливает страх, но этот эффект, как и потенциальные поведенческие реакции, стимулируемые им, заметно различаются между странами. При этом «старые» капиталистические страны ведут себя иначе, чем постсоциалистические, а внутри первых особо выделяются англосаксонские и Скандинавские страны.

УДК 331.5
ББК 65.240

Препринты Государственного университета – Высшей школы экономики размещаются по адресу: <http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx>

© Гимпельсон В., 2009
© Монусова Г., 2009
© Оформление. Издательский дом
Государственного университета –
Высшей школы экономики, 2009

Введение*

Высокая безработица всеми признается как одна из наиболее болезненных социальных проблем. Работа для граждан является, как правило, источником не только доходов, но и социального благополучия в более широком смысле. Она обеспечивает социальный статус и открывает перспективы для профессиональной самореализации. Поскольку ее потеря угрожает благополучию, то неудивительно, что люди боятся безработицы и зачастую готовы многое делать ради того, чтобы снизить ее риск. Страх безработицы – индикатор общего ощущения незащищенности на рынке труда. Он оказывает отрицательное влияние на многие аспекты жизни людей: на взаимоотношения в трудовом коллективе и семье, на потребление и склонность к сбережению, на репродуктивные установки и накопление человеческого капитала.

Естественно предположить, что страх безработицы обычно тем выше, чем выше уровень самой безработицы. Конечно, люди не всегда интересуются статистическими сводками о состоянии рынка труда, но часто могут ощущать его давление на себе. Кроме того, наличие безработных среди родных, друзей, соседей, коллег, отражая остроту проблем занятости, по-видимому, должно усиливать этот страх. И наоборот, чем меньше непосредственной информации об этом явлении и чем меньше безработных вокруг, тем меньше оснований рассматривать эту угрозу как реальную. Хотя такая прямая связь между уровнем безработицы в стране и уровнем страха по поводу безработицы кажется интуитивно ожидаемой, возможны различные отклонения. Они могут быть связаны с культурно-историческими и индивидуальными обстоятельствами, с различиями в эффективности национальных систем социальной защиты, разными механизмами адаптации рынка труда к негативным экономическим шокам. Например, население одних стран может де-

* Работа над статьей поддержана программой ЦФИ Государственного университета – Высшей школы экономики. Авторы выражают благодарность за советы и комментарии Р. Капелюшникову и В. Магуну.

монстрировать сильную психологическую устойчивость к росту безработицы, избегая при этом самозапугивания, а других, наоборот, склонно видеть шторм и в полный штиль.

Проблема страха (безработицы) уже неоднократно возникала как предмет экономического и социологического анализа. Известная поговорка о том, что «волков бояться – в лес не ходить», имеет богатое экономическое содержание, подчеркивая тесную связь ожиданий и поведения. Ожидания – неважно, верны они или нет, – влияют на действия людей. Если кто-то очень боится безработицы, то, как можно предположить, он(а) будет стремиться снизить этот риск. Соответствующие реакции могут быть как активными (например, стремление сменить профессию, повысить квалификацию, интенсивнее работать и т.п.), так и пассивными (согласие на снижение зарплаты или ухудшение условий занятости), позволяющими сохранить имеющуюся работу или найти новую. Почему люди соглашаются на уступки? Потому что они знают, что вынужденная смена работы связана со значительными потерями в благосостоянии¹. Поэтому они предпочитают вынужденным большим потерям добровольные уступки, связанные с малыми потерями.

Надо сказать, что с теоретической точки зрения влияние страха безработицы на заработную плату неоднозначно. Согласно теории компенсирующих различий в условиях конкурентного рынка труда неблагоприятные характеристики (а страх как реакция на рыночные риски является таковой) должны компенсироваться более высокой заработной платой. Если же мы исходим из того, что рынок труда неконкурентен и работники получают соответствующую ренту, то эффект должен быть негативным.

Д. Бланшфлауэр рассматривает страх безработицы в качестве одного из наиболее фундаментальных механизмов, во многом определяющих позицию работников в ходе торга с работодателем и тем самым обеспечивающих подстройку заработной платы к условиям рынка

¹ Хороший обзор работ на эту тему дан в: Kletzer L. Job Displacement // Journal of Economic Perspectives. 1998. Vol. 12. P. 115–136. Применительно к переходным экономикам см.: Lehmann H., Phillips K., Wadsworth J. The Incidence and Cost of Job Loss in a Transition Economy: Displaced Workers in Estonia, 1989–1999 // IZA DP. No. 567. September 2002; Lehmann H., Pignatti N., Wadsworth J. The Incidence and Cost of Job Loss in the Ukrainian Labor Market // Journal of Comparative Economics. 2006. No. 34 (2). P. 248–271.

труда². По его оценкам, полученным на эмпирических данных по Великобритании за 1980-е годы, ожидание увольнения снижало заработную плату на 9%, а в неюнионизированном секторе такое снижение составляло около 19% по сравнению с теми, кто не ожидает потери работы. В 2007 г. он вернулся к этой проблеме и на других данных подтвердил вывод о том, что страх безработицы подавляет заработную плату³.

В работе В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова и Т. Ратниковой страх безработицы рассматривался как значимый фактор гибкости заработной платы в России в 1990-е гг.⁴ Работники, более склонные бояться безработицы, с большей вероятностью были готовы жертвовать своей заработной платой, соглашаясь на ее снижение или на задержки с выплатами. Как хорошо известно, в 1990-е годы в России заработная плата демонстрировала высокую степень гибкости, а накопление задолженности по зарплате было одним из инструментов такой гибкости⁵. Если искомая связь представлений и поведения существует, то, искусственно форсируя страхи или играя на таких склонностях, можно добиваться большей пластичности индивидуальной заработной платы, а тем самым и косвенно сдерживать рост безработицы. В этом случае страх безработицы становится фактором ее подавления, но ценой снижения благосостояния людей и иррационализации политики, в которую он косвенно подключается как значимое обстоятельство.

Исследования страха безработицы, или страха потери работы⁶, которые относятся к более широкому классу исследований субъективных оценок защищенности на рынке труда (self-perception of job insecurity), до сих пор, как правило, были ограничены какой-либо одной страной. Мы очень мало знаем о том, как такого рода оценки (включая оценки того, что мы называем страхом безработицы) ва-

² Blanchflower D.G. Fear, Unemployment and Pay Flexibility // Economic Journal. May 1991. P. 483–496.

³ Blanchflower D., Shadforth C. Fear, Unemployment and Migration // NBER Working Paper. 13506. October 2007.

⁴ См.: Гимпельсон В., Капелюшников Р., Ратникова Т. Страх безработицы и гибкость заработной платы в России // Экономический журнал ВШЭ. 2003. Т. 7. № 3.

⁵ См.: Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

⁶ В данной статье мы считаем их синонимами.

рывают между странами и чем можно объяснить соответствующие межстрановые различия. Единственной специальной работой на эту тему (насколько нам известно) является исследование М. Эрлингхагена на данных Европейского социального обследования (ESS), свидетельствующее о значительной межстрановой вариации⁷.

Знание и понимание того, как граждане разных стран эмоционально и поведенчески реагируют на угрозу безработицы, имеет не только академический, но и практический интерес. Если страх безработицы (чреватый негативными последствиями) связан с институциональным устройством рынка труда, то это сигнал для политиков, разрабатывающих соответствующие реформы. Если такой страх обусловлен особенностями наличного человеческого капитала, то это важное послание системе образования. В связи с этим представляется интересным и вопрос о том, каковы различия между странами, относящимися к разным моделям капитализма⁸, а также между «старыми» (странами развитого капитализма) и «новыми» (странами с переходной экономикой) капиталистическими странами. Если в первой группе (т.е. в «старых» странах) население обладает значительным социальным опытом переживания безработицы и существуют сложившиеся (хотя и очень разные) системы социальной защиты, то во второй и то, и другое только формируется.

В данной статье авторы ставят перед собой очень скромные задачи. Мы постараемся описать, используя доступные эмпирические данные, характер связи между уровнем и страхом безработицы для разных стран, а также влияние различных макро- и микрофакторов на вариацию в субъективных оценках незащищенности на рынке труда. Также мы попытаемся проанализировать, какие способы адаптации к (угрозе) безработице население разных стран готово принять, а какие более склонно отвергнуть. Данная последовательность задач и определяет логику и структуру статьи.

⁷ *Erlinghagen M.* Self-perceived Job Insecurity and Social Context. Are There Different European Cultures of Anxiety? DIW Berlin. DP 688, April 2007.

⁸ *Varieties of Capitalism. The Institutional Foundations of Comparative Advantage / Hall P., Soskice D. (eds.).* Oxford: Oxford University Press, 2001.

1. Методология и данные

Предлагаемый в данной работе анализ вращается вокруг трех основных тем. Во-первых, мы предполагаем, что существуют значимые межстрановые различия в том, в какой степени занятое население испытывает страх потери работы. Во-вторых, мы ожидаем, что эти различия могут быть связаны как с особенностями национальных рынков труда (уровень безработицы, система защиты от безработицы, структура занятости и т.п.), так и с индивидуальными особенностями самих работников. Наконец, в-третьих, мы анализируем, как различается «цена», которую граждане в разных странах согласны платить за то, чтобы сохранить имеющуюся работу.

Наш эмпирический анализ строится на массиве данных национальных репрезентативных опросов населения, входящих в Международную программу социальных обследований (ISSP), за 1997 и 2005 гг.⁹ В эти годы в вопросники обследования был включен специальный модуль, посвященный трудовым ориентациям. Полная выборка обследования в 2005 г. охватывает 30 875 наблюдений, среди которых численность занятых составляет 18 658.

Всего в обследованиях участвовало более 30 стран, представляющих различные континенты и типы институционального устройства рыночной экономики¹⁰. Среди них англосаксонские страны с либеральным режимом регулирования (США, Канада, Великобритания, Ирландия, Австралия, Новая Зеландия), страны континентальной Европы с относительно высокой степенью координации (например, Германия, Франция, Испания, Португалия, Скандинавские страны), постсоциалистические страны Восточной Европы (Болгария, Венгрия, Латвия, Россия, Словения, Чехия), а также Израиль и Япония. Такой набор стран обеспечивает как разнообразие социального опыта переживания безработицы, так и вариацию в институтах рынка труда, отвечающих за защиту рабочих мест и за поддержку безработных.

⁹ Более подробная информация представлена по адресу: <http://www.issp.org> и <http://www.gesis.org/en/services/data/survey-data/issp/modules-study-overview/work-orientations/2005/>. Российская часть обследования реализована Левада-Центром.

¹⁰ Мы исключили из анализа такие разные страны, как Мексика, Тайвань, Филиппины, ЮАР, Доминиканская Республика.

Основные макроэкономические показатели рассматриваемых стран, представляющие интерес в контексте нашего исследования, приведены в табл. 1 (см. Приложение).

Большинство стран в нашей выборке обладает развитой капиталистической экономикой, и величина ВВП в расчете на душу населения в них выше в 20 тыс. долл. США по паритету покупательной способности. По этому показателю лидируют США и Норвегия, где он превышал 41 тыс. долл. Душевой ВВП в постсоциалистических странах варьирует от 9,0 тыс. в Болгарии до 20,5 тыс. в Чехии. В России этот показатель в год обследования составлял 10,8 тыс., и ниже он был только в Болгарии.

Заданный обследованиями временной интервал (1997–2005 гг.) для большинства стран был периодом энергичного экономического роста. Хотя некоторые переходные экономики (это касается прежде всего России) в 1998 г. пережили сильнейший макроэкономический шок, но уже в 1999 г. падение сменилось ростом, темп которого в последующие годы был весьма высоким. В итоге к 2005 г. все страны в рассматриваемой нами выборке подошли в неплохой экономической форме и с достаточно низкой (и снижавшейся) безработицей. Например, Испания, на протяжении длительного периода страдавшая от крайне высокой безработицы, за 1997–2005 гг. снизила ее уровень почти вдвое: с 17 до 9%¹¹. В значительной мере этого удалось добиться в результате повышения гибкости рынка труда за счет распространения срочных трудовых договоров.

Сокращение безработицы активно шло и в переходных экономиках. Например, в Болгарии ее уровень снизился с 13,7 до 10,1%, а в Латвии – с 14,8 до 8,7%. Если в 1997 г. году уровень безработицы в России составлял 11,8% и приближался к историческому максимуму (который составил около 14% и был достигнут в начале 1999 г.), то в 2005 г. этот показатель равнялся уже 7,2%. К этому моменту ожидания безработицы в регионе повсеместно стали меняться на переживания по поводу наступающего дефицита рабочей силы¹².

¹¹ Employment Outlook, 2008. OECD, Paris, 2008.

¹² Гимпельсон В., Капелюшников Р., Лукьянова А. Спрос на труд и квалификацию в промышленности: между дефицитом и избытком // Экономический журнал ГУ ВШЭ. 2007. № 2; Rutkowski J. From the Shortage of Jobs to the Shortage of Skilled Workers: Labor Markets in the EU New Member States, Discussion Paper. No. 3202. December 2007.

Ключевая переменная, фиксирующая уровень страха безработицы, которая красной нитью проходит через все наше исследование, строится на основе вопроса: «В какой степени Вы опасаетесь сейчас потерять свое основное место работы?» Этот вопрос допускает четыре варианта ответа, упорядоченные по степени страха потери работы (от «совершенно не беспокоит» (1 балл) до «в значительной степени беспокоит» (4 балла)).

В анкете содержится также альтернативный вопрос о том, насколько легко в случае необходимости респондент может найти другую работу. Ответы на оба вопроса сильно коррелируют. Тот, кто боится потерять работу, одновременно не уверен и в том, что легко может найти новую работу. Поскольку этот вопрос добавляет мало дополнительной информации, мы его в дальнейшем не используем.

Представление о том, как страновые выборки различаются между собой по основным индивидуальным характеристикам респондентов, можно составить на основании табл. 2 (см. Приложение). В ней же содержится информация и о размере выборок по всем странам.

Хотя наши эмпирические данные относятся к докризисному периоду, выводы, сделанные на их основе, могут помочь в понимании возможных реакций населения в условиях сегодняшнего кризиса. Они показывают границы притяжения или отталкивания населением потенциальных мер в кризисных условиях. Чем население гибче, тем больше опций у правительства и тем шире у него политический коридор для активных действий.

2. Страх безработицы: уровень, динамика и некоторые макрофакторы

Распределение стран по уровню страха безработицы в 1997 и 2005 гг., представленное на рис. 1, позволяет выявить некоторые тенденции. Все страны на рисунке упорядочены слева направо по мере увеличения индекса страха в 2005 г.

Во-первых, очевидна высокая степень consistency результатов обоих обследований, т.е. страны сохраняют свои относительные позиции в рейтинге, хотя экономическая ситуация за этот пе-

риод (1997–2005 гг.) сильно изменилась. Коэффициент корреляции между показателями страха за 1997 и 2005 гг. составляет 0,91. Страх снизился практически в подавляющем большинстве стран, а если где-то возрос, то незначительно.

Во-вторых, расположение стран в этом рейтинге подчиняется определенным закономерностям. В группу стран с наименьшим уровнем страха (левая часть горизонтальной шкалы на рис. 1) входят англосаксонские и Скандинавские страны, отличавшиеся в этот период низкой и снижавшейся безработицей. В правой части шкалы концентрируются переходные экономики Восточной Европы и Испания. Абсолютными «лидерами» страха являются Болгария и Россия. Такой состав «лидирующей» группы неудивителен и отражает фактическую ситуацию с безработицей в этих странах. Они все прошли через очень высокий уровень безработицы в середине и второй половине 1990-х гг., что не могло не остаться в социальной памяти населения этих стран.

Болгария (наряду с Польшей и Словакией, которые не охвачены данным обследованием) на протяжении длительного периода отличалась особо высокой безработицей среди всех переходных экономик. В 1997 г. ее уровень составлял около 14%, поднялся до 19,5% в 2001 г. и затем снизился к 2005 г. примерно до 10%. Латвия последовательно снижала уровень безработицы, который был двузначным на протяжении длительного периода. В 2005 г. он впервые стал однозначным (8,7%), но социальные переживания, связанные с этим явлением, оставались сильными. Что же касается России, то она за этот период прошла значительный путь, начав с весьма высоких 11,8%, достигнув 14% в начале 1999 г., и завершила умеренными 7,2% в 2005 г.¹³ В то же время страх безработицы здесь всегда был высок и слабо соотносился с реальной ситуацией на рынке труда¹⁴.

По сравнению с другими странами Западной Европы рынок труда Испании имеет ряд отличительных особенностей, связанных со спецификой законодательной защиты рабочих мест. Уровень безработицы в Испании в середине 1990-х гг. доходил почти до 20%, но снизился вдвое к 2005 г. Однако этого удалось добиться лишь за счет

широкого распространения срочных трудовых контрактов, которые облегчили создание новых рабочих мест, но главным образом за счет более уязвимых и плохо защищенных. В Испании, как известно, треть всех работающих по найму имеет срочные трудовые контракты¹⁵.

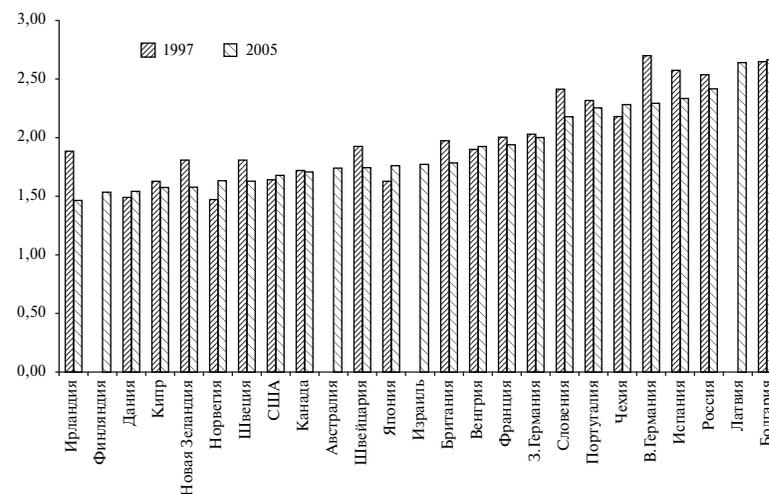


Рис. 1. Индекс страха потери работы, 1997 и 2005 гг. (1 – минимум; 4 – максимум)

Приведенные выше тенденции в распределении стран по уровню страха подтверждаются и данными из других обследований. Бланш-флауэр и Шэдфорс приводят результаты Европейского обследования условий труда (European Working Conditions Survey), проведенного в 2005 г. в 32 странах. Согласно ему страх безработицы был особенно силен в постсоциалистических странах Восточной Европы, и, наоборот, наименьшие значения были зафиксированы в Дании, Люксембурге, Норвегии и Великобритании. Схожие результаты были полу-

¹⁵ Об этих особенностях см.: *Bentolila S., Jimeno J.F.* Spanish Unemployment: The End of the Wild Ride? // Working Papers 2003-10, FEDEA; *Kugler A., Jimeno J., Hernandez V.* Employment Consequences of Restrictive Permanent Contracts: Evidence from Spanish Labor Market Reforms // IZA Discussion Papers 657, Institute for the Study of Labor (IZA), 2002. Не случайно в ходе нынешнего экономического кризиса наибольший всплеск безработицы имел место именно в Испании, где фактически оставалось перезаключение срочных трудовых контрактов.

¹³ Труд и занятость в России. 2007. М.: Росстат, 2008.

¹⁴ *Гимпельсон В., Капелюшников Р., Ратникова Т.* Страх безработицы и гибкость заработной платы в России.

чены и в рамках 2003 г. European Quality of Life Survey¹⁶. Хотя набор стран, входящих в «кластер слабого страха», варьирует между обследованиями, он все время включает Скандинавские страны. Противоположный же полюс шкалы страха устойчиво занят странами Восточной Европы. О том же говорят и другие имеющиеся на эту тему исследования¹⁷. Все это позволяет поверить в то, что такое распределение устойчиво во времени и к методам измерения, а также в существование связи между уровнем страха и специфическими страновыми характеристиками.

Связь между фактическим уровнем безработицы (горизонтальная шкала) и страхом безработицы (вертикальная шкала) мы анализируем с помощью рис. 2.

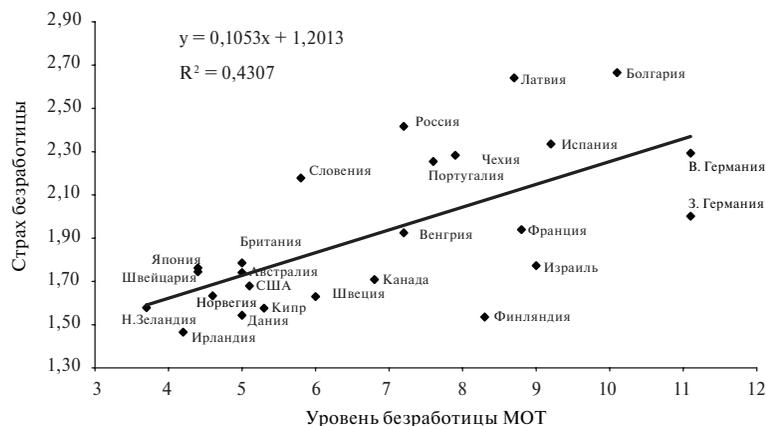


Рис. 2. Связь между показателями уровня и страха безработицы, 2005 г.

Рис. 2 иллюстрирует прямую связь между этими показателями, хотя по мере роста безработицы межстрановой разброс значений индекса страха (отклонение точек от линии тренда) заметно увеличивается. Другими словами, если низкая безработица довольно точно определяет слабый уровень страха, то более высокий уровень без-

¹⁶ Blanchflower D., Shadforth C. Fear, Unemployment and Migration // NBER Working Paper 13506. October 2007. P. 19.

¹⁷ Erlinghagen M. Self-perceived Job Insecurity and Social Context. Are There Different European Cultures of Anxiety? DIW Berlin. DP 688. April 2007; Green F., Dickerson A., Carruth A., Campbell D. An Analysis of Subjective Views of Job Insecurity. Department of Economics Discussion Paper 01/08, Canterbury, University of Kent, 2001.

работицы может сочетаться как с сильным, так и со средним уровнем страха. При этом, как мы видим, при одинаковых уровнях безработицы страны Западной Европы демонстрируют гораздо более низкий уровень страха. Это, по-видимому, отражает как более рациональное отношение общества к реальным рискам рынка труда, так и наличие эффективных механизмов социальной поддержки безработных. Если первое — это социальный опыт населения, то второе — это институты социальной поддержки.

Зависимость страха от уровня безработицы можно выразить простейшим уравнением регрессии, параметры которого представлены в верхней части рис. 2. Согласно ему, при увеличении безработицы на 1 п.п. страх возрастает примерно на 0,1 балла. Некоторые страны, однако, существенно отклоняются от линии регрессии. Среди «аутлайеров», расположенных заметно ниже линии, т.е. имеющих более низкую степень обеспокоенности безработицей, выделяется Финляндия. Здесь очень низкий уровень страха (чуть более 1,5 баллов), но при достаточно высокой безработице (почти 8,5%). При эффективной защите от безработицы можно не бояться потери работы, так как есть надежная система помощи, на которую смело можно положиться. Среди «аутлайеров», лежащих над линией регрессии, выделяются страны с переходной экономикой (Болгария, Россия, Латвия). Здесь страх гораздо сильнее, чем в странах Западной Европы с сопоставимым уровнем безработицы.

Зависимость между изменениями в безработице и уровне страха на нашей выборке стран в период между обследованиями 1997 и 2005 гг. показана на рис. 3. Общая тенденция очевидна: чем меньше прирост безработицы за этот период, тем меньше повысился уровень страха. Однако есть и исключения.

В нескольких странах (Венгрия, Дания и Болгария) страх усилился, хотя уровень безработицы в них снизился. Правда, следует отметить, что в Венгрии и Дании соответствующие изменения количества очень невелики. Что же касается Болгарии, то весьма чувствительное сокращение безработицы (почти на 4 п.п.) сопровождается очень незначительным приростом страха. Но он здесь и так уже максимален. В трех странах (Швейцария, Португалия, Восточная Германия) ситуация была обратной, поскольку рост безработицы сопровождался снижением индекса страха. Однако лишь в Швейцарии снижение страха было заметным, тогда как изменение в безработице минимальным.

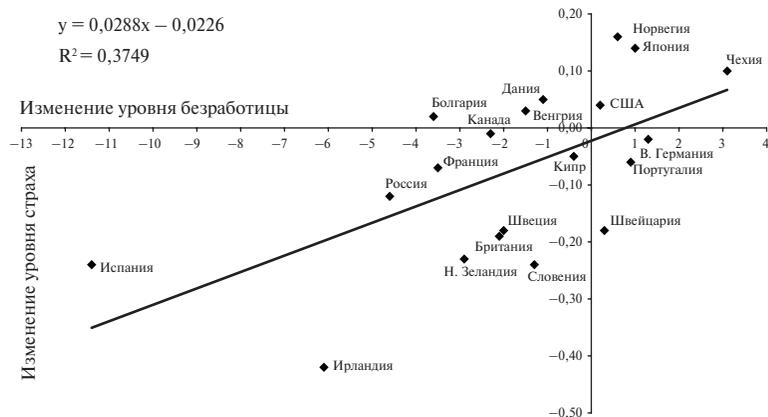


Рис. 3. Изменение уровня и страха безработицы, 1997–2005 гг.

Еще одна гипотеза, вытекающая из этого рисунка, касается сильной дифференциации в чувствительности разных стран к изменениям в безработице. Изменение уровня безработицы на 1 п.п. вызывает соответствующее изменение в страхе примерно на 0,3 п.п. Но и здесь есть заметные «аутлайеры»: в одних странах даже большие по величине изменения в безработице меняют значение индекса страха очень незначительно, в других — ситуация обратная. Например, в Испании или России уровень безработицы снизился примерно на 5 п.п., а уровень страха — лишь на 0,1 балла. Это означает, что ожидание населением безработицы очень укоренено, а потому «хорошие новости» встречаются с недоверием, реакция на них оказывается замедленной и непропорционально слабой. Наоборот, в ряде стран, лежащих ниже линии регрессии на рис. 3, население реагирует гораздо сильнее. В Ирландии безработица снизилась за период между обследованиями примерно на 6 п.п., а ее страх — на 0,42 балла.

Имеющиеся данные позволяют также исследовать наличие связи между страхом безработицы и институтами рынка труда, призванными защищать работников от увольнений, а соответственно и от безработицы. Естественно предположить существование обратной зависимости между жесткостью законодательства о защите занятости (EPL) и уровнем страха. Чем жестче правила увольнения, составляющие ядро такого законодательства, тем, казалось бы, слабее должен быть риск потери работы, а соответственно и ниже уровень страха безработицы. Степень жесткости законодательной защиты мы мо-

жем измерить, например, с помощью шкалы жесткости, предложенной Всемирным банком¹⁸.

Связь между этими показателями для нашей выборки стран, представленная на рис. 4, оказывается не обратной, а прямой, хотя и довольно слабой! Другими словами, работники в странах с более сильной законодательной защитой рабочих мест более остро испытывают ощущения своей незащищенности на рынке труда и несколько выше оценивают страх потери работы.

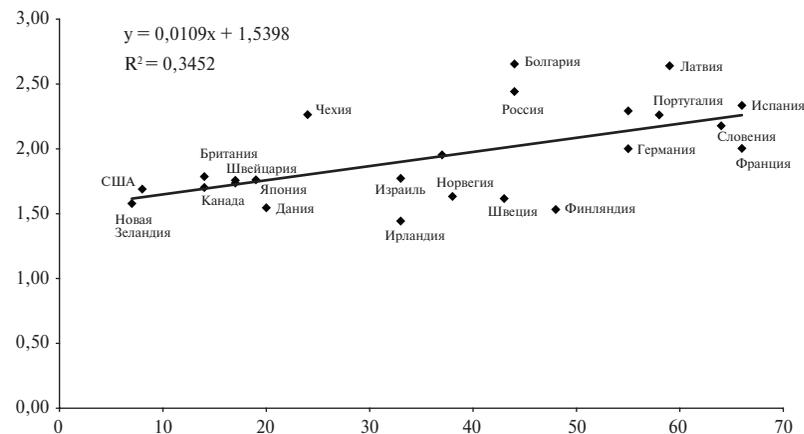


Рис. 4. Индекс страха безработицы и жесткость на рынке труда

Самые низкие оценки страха соответствуют респондентам, проживающим в англосаксонских странах, где если и есть какая-либо законодательная защита от увольнений, то очень слабая. Наоборот, те страны, где рынки труда характеризуются высокой степенью защищенности рабочих мест, располагаются на другом полюсе шкалы страха. Отметим, что Скандинавские страны, отличающиеся средне-жестким законодательством такого рода, лежат ниже линии регрессии. Такие крупные страны континентальной Европы, как Германия, Франция, Испания и примыкающая к ним Португалия, известны высокой степенью жесткости трудового законодательства, сильно затрудняющего увольнение работников, имеющих постоянные трудовые контракты, но это, как мы видим, слабо сказывается на субъективном восприятии защищенности.

¹⁸ См.: <http://www.doingbusiness.org>.

О положении России на этом рисунке следует сказать особо. Согласно используемой методологии измерения степени жесткости трудового законодательства, Россия относится к странам со средним уровнем жесткости. Однако, по нашему мнению, данная методология существенно недооценивает фактическую жесткость российского трудового законодательства, поскольку ориентируется на некоего «условного» работника, имеющего, помимо прочих отличий, стаж работы у данного работодателя более 20 лет. Во всех европейских странах, кроме России, жесткость правил увольнения в таком случае является максимальной, поскольку для работников с меньшим стажем она значительно ниже. В России же условия компенсации при увольнении не дифференцированы в зависимости от стажа работы на данном предприятии, а доля работников с таким стажем мала и продолжает сокращаться. Это означает, что степень фактической жесткости трудового законодательства в России занижена и при более корректной оценке положение России на рисунке было бы сильнее смещено вправо. В таком случае угол наклона линии регрессии был бы еще больше, т.е. контринтуитивная связь была бы сильнее.

Следует отметить, что отсутствие положительной связи между субъективными оценками страха (незащищенности) на рынке труда и объективными характеристиками систем социальной защиты подтверждается и другими исследованиями¹⁹. Все это лишний раз подчеркивает тот очевидный факт, что фактическая защищенность является функцией от целого ряда экономических параметров (назовем, например, темпы роста, динамику создания рабочих мест в экономике, наличие человеческого капитала) и несводима лишь к формальной жесткости соответствующих норм.

3. Кто и где больше боится?

Межстрановые различия проявляются не только в величине вариации общего уровня страха безработицы, но и в том, в каких группах занятого населения он главным образом концентрируется. В табл. 3 (см. Приложение) представлены доли (в %) «боящихся» в

¹⁹ См.: *Erlinshagen M.* (2007); *Green et al.* (2001); *OECD Employment Outlook* (1997). Ch. 5. «Is Job Security on the Increase in OECD Countries?»

основных социально-демографических группах для каждой из обследуемых стран. Простой анализ таблицы говорит о том, что чем выше уровень страха, тем заметнее межгрупповая вариация в его значениях.

Следует отметить, что гендерные различия в значениях показателей страха в целом не кажутся значительными, хотя есть интересные страновые особенности. В странах Западной Европы соответствующий гендерный разрыв (в уровне страха) отсутствует или незначителен, а в странах Северной Америки (США и Канада) женщины в меньшей степени боятся потерять работу.

В странах Восточной Европы, наоборот, страх сильнее проявляется у женщин. Исключением является Словения, где ситуация обратная, хотя гендерные различия слабы. Максимальный разрыв же наблюдается в Чехии, где он достигает 13 п.п. В России гендерный разрыв составляет примерно 7 п.п. Схожая картина и в ряде стран вне Восточной Европы (Испания и Португалия, а также Израиль, но в меньшей степени). В восточно-европейских переходных экономиках уровень занятости женщин остается высоким, отражая, по-видимому, прошлый социалистический опыт, укрепивший традицию поголовной занятости, а также феминизацию многих отраслей. Работающие женщины здесь вносят значительный вклад в совокупный доход своих семей и предпочитают добровольно с рынка труда не уходить. Однако при этом они часто концентрируются в уязвимых профессиях, принимая тем самым на себя основной риск при адаптации рынка труда к сокращению спроса на труд. В Средиземноморских католических странах, наоборот, уровень занятости женщин традиционно низок и позиции женщин на рынке труда остаются вспомогательными (около 50% по сравнению с примерно 70% в Скандинавских странах).

Возраст работника также влияет на его ожидания. Однако какая-то определенная тенденция, которая была бы характерна для всех стран, здесь отсутствует. В одних странах «старого» капитализма безработицы больше боятся молодые работники (Германия, Великобритания, Швеция, Испания и Португалия); в других – пожилые (Канада, Норвегия, Франция, Дания), а в некоторых странах различия между возрастными группами пренебрежимо малы. В регионе Восточной Европы ситуация более определенная – здесь везде пожилые чаще опасаются потери работы, чем молодежь. Такая зако-

номерность в той или иной мере типична для всех стран этой группы (Чехия и Латвия — наиболее яркие примеры), хотя межпоколенческие различия не всегда четко выражены (как, например, в Болгарии или в России). Отметим, что более низкий уровень страха у молодежи здесь сочетается с более высокими показателями фактической безработицы.

Уровень образования снижает страх безработицы, что отражает обратную зависимость между наличием человеческого капитала и уровнем фактической безработицы. Такая зависимость характерна для большинства стран, хотя и не для всех. Например, в России, Канаде, Израиле, Финляндии, Болгарии различия в уровне страха между обладателями третичного образования и теми, у кого такого образования нет, практически отсутствуют. В первых трех из перечисленных выше стран доля респондентов с третичным образованием очень высока и отчасти избыточна по отношению к спросу экономики на труд такого качества. Это девальвирует ценность третичного образования в качестве надежного «щита» от рисков рынка труда. В Финляндии общий уровень страха одинаково низок во всех группах. В Болгарии, напротив, уровень страха крайне высокий и страх относительно равномерно распределен между всеми.

Принадлежность к профессиональной группе (выделенной на основе международного классификатора ИСКО-88) оказывает на страх безработицы влияние, аналогичное фактору образования. Другими словами, руководители и профессионалы в меньшей степени обеспокоены потерей работы, а распределение по странам аналогично тому, которое наблюдалось при анализе влияния образования.

Государственный сектор обычно воспринимается как тихая гавань, в которой штить сохраняется и тогда, когда в открытом море бушует сильный шторм. Это представление отражает тот факт, что государственные предприятия и организации лучше защищены от рыночных рисков. Данные показывают, что в большинстве «старокапиталистических» стран либо работники государственного сектора менее обеспокоены потерей работы, либо различия между секторами крайне малы (например, в Финляндии или Новой Зеландии). В Германии доля тех, кто боится потерять работу, в государственном секторе почти вдвое ниже, чем в частном секторе, а на Кипре этот разрыв составляет 8 раз. Хотя эта тенденция наблюдается и в Венгрии, и в Словении, для других переходных экономик она не столь

очевидна. В России почти 54% работников государственного сектора боятся безработицы против 46% в частном секторе. Для такой «нестандартной» ситуации могут быть предложены разные объяснения: во-первых, государственный сектор может служить пристанищем наименее конкурентных работников; во-вторых, в государственном секторе могут концентрироваться наименее эффективные предприятия, чье выживание их работникам не кажется самоочевидным.

Представляет интерес связь между членством в профсоюзах и ощущением неуверенности в сохранении занятости. Казалось бы, естественной гипотезой является наличие обратной связи: члены профсоюза должны ощущать себя более защищенными от потери работы, чем те работники, которые в профсоюзе не состоят. Однако с теоретической точки зрения влияние профсоюза неоднозначно. С одной стороны, профсоюзы в целом могут поднимать цену увольнений для работодателей и тем самым защищать работников от несправедливых увольнений. С другой — поскольку профсоюзы поднимают заработную плату и концентрируются в старых секторах экономики, члены профсоюза сталкиваются с повышенным риском безработицы. Кроме того, членство в профсоюзе потенциально эндогенно по отношению к страху безработицы, поскольку чувство неуверенности может дополнительно стимулировать работников к вступлению в профсоюз²⁰. Мы ожидаем, что искомая связь в разных странах может иметь разные знак и значимость.

Как показывает табл. 3 (см. Приложение), членство в профсоюзе в таких странах, как США, Канада, Великобритания, Ирландия, и ряде других стран Западной Европы действительно усиливает ощущение защищенности на рабочем месте и снижает страх потери работы. Обратим внимание на то, что англосаксонские страны отличаются очень либеральным трудовым законодательством, а потому профсоюзы являются единственной институциональной защитой. В странах Восточной Европы, включая Россию, все наоборот: членство в профсоюзе сопровождается более сильной неуверенностью на рынке труда. Это подтверждается знаком и статистической значи-

²⁰ *Bender K.A., Sloane P.J. Trade Union Membership, Tenure and the Level of Job Insecurity // Applied Economics. 1999. Vol. 31 P. 123–135; Green F., Felstead A., Burchell B. Job Insecurity and the Difficulty of Regaining Employment: An Empirical Study of Unemployment Expectations // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. 62. Special Issue. 2000.*

мостью соответствующих коэффициентов корреляции ($-0,068$ и $0,046$ при $p < 0,01$)).

Для того чтобы выявить дифференцированное влияние различных характеристик, включая эффект страны, мы используем аппарат регрессионного анализа для качественных переменных с упорядоченными значениями (ordered probit). Уравнение, которое мы оцениваем, имеет следующий вид:

$$Y_n^* = \beta * X_n + \varepsilon_n,$$

где Y_n^* – латентная переменная, характеризующая уровень страха, которая принимает одно из четырех упорядоченных значений (от 1 – «совершенно не беспокоит» до 4 – «очень беспокоит»), X_n – вектор независимых переменных, а β – вектор коэффициентов, которые мы должны оценить; ε_n – случайный и нормально распределенный остаток.

В правой части (вектор X) собраны основные индивидуальные характеристики (пол, возраст, образование, город/село, сектор), занятость в режиме полного рабочего времени (больше 30 ч в неделю), членство в профсоюзе, наличие дополнительной работы, которые мы контролируем²¹. Стандартные ошибки оцениваются как робастные с учетом страновой кластеризации.

Мы оцениваем «уравнение страха» в двух спецификациях. Сначала мы не учитываем эффект страны, обращая внимание лишь на индивидуальные характеристики респондентов, затем вводим в уравнение все страновые дамми-переменные, принимая Россию за референтную категорию.

В табл. 4 (см. Приложение) приведены оценки коэффициентов. В целом эти результаты согласуются с безусловными оценками, представленными выше (средними значениями по странам в табл. 3 (см. Приложение)). Из таблицы следует, что страх сильнее у женщин, в средней возрастной группе, у неженатых, у рабочих и служащих без квалификации, у занятых полное рабочее время. Отметим, что третичное образование, наличие семьи (супруги/супруга), работа в государственном секторе значимо снижают ощущение страха, а наличие второй работы и проживание в городе на уровень страха не влияют. Статистическая незначимость этих характеристик (неотличи-

²¹ Описательные статистики представлены в табл. 2 (см. Приложение).

мость коэффициентов от 0) может быть связана с тем, что их эффекты по странам варьируют от негативных до позитивных, в итоге погашая друг друга в единой выборке. Интересно, что членство в профсоюзе оказывается положительно связано с усилением страха, хотя вопрос причинно-следственной связи здесь остается открытым.

Россия статистически значимо (с 99%-й вероятностью) отличается от всех других стран в нашей выборке. Страх в Болгарии и Латвии оказывается более сильным, чем в России, но и безработица в них в период, предшествующий обследованию, была заметно выше российской. Население других восточноевропейских стран (Венгрия, Словения и Чехия), как и всех остальных в нашей выборке, отличается от России существенно более слабым уровнем страха при прочих равных условиях. На полюсе же наименьшего страха располагаются Скандинавские страны, Новая Зеландия и Кипр.

В целом наши результаты совпадают с выводами Бланшфлауэра и Шэдфорса²². В их исследовании наиболее сильный уровень страха – при контроле основных индивидуальных характеристик – наблюдался в странах Восточной Европы, а наименьший – во Франции и Норвегии. В нашем исследовании Норвегия также находится рядом с полюсом минимального страха. Коэффициент для Франции оказывается отрицателен (т.е. при прочих равных страх слабее, чем в России), хотя по величине уступает Скандинавским странам. В целом же различия между Францией и Россией статистически значимы.

Далее мы приписали каждому респонденту уровень безработицы его страны (усредненный за 2003–2005 гг.), «выделив» тем самым информацию о фактической безработице из страновых дамми. Этот показатель мы добавили в правую часть уравнения регрессии и получили для него статистически значимый (с вероятностью 99%) коэффициент, свидетельствующий о наличии положительной зависимости между уровнями безработицы и страха. Значимость же остальных коэффициентов практически не изменилась, хотя несколько снизились значения страновых дамми-переменных.

Поскольку мы подозревали разную реакцию населения в старых капиталистических и постсоциалистических странах, мы разделили

²² Blanchflower, Shadforth (2007). Fear, Unemployment and Migration. P. 43.

всю выборку на две соответствующие части и оценили это уравнение по отдельности для каждой из них²³. Этот тест подтвердил наличие значимых различий, но отметим лишь главные из них. В постсоциалистических странах возраст (принадлежность к возрастной группе 30–49 лет) гораздо сильнее влияет на страх, чем в странах развитого капитализма. В то же время эффекты третичного образования, занятости в режиме полной рабочей недели и работы в государственном секторе в переходных экономиках оказываются незначимы, а членство в профсоюзе, наоборот, усиливает страх. В экономиках развитого капитализма третичное образование, наличие семьи, занятость в госсекторе и членство в профсоюзе снижают градус опасений, а занятость более 30 ч в неделю его усиливает. Что же касается уровня безработицы, то он усиливает страх в этих странах, но снижает его в переходных экономиках. Тем самым мы получаем еще одно подтверждение тому, что в постсоциалистических странах субъективное восприятие экономической реальности не является простым зеркальным отражением последней.

4. Цена страха или плата за страх

Естественно предположить, что страх потери чего-то важного должен влиять на готовность человека к определенным жертвам ради того, чтобы не допустить этой потери. Другими словами, речь может идти о той цене, которую индивид готов «платить» за сохранение своего места работы в ситуации, когда он сильно боится ее потерять. Чем сильнее страх безработицы, тем, по-видимому, выше «размер платы» в виде снижения уровня «резервируемых» требований, предъявляемых людьми к работе. Как писал Л. Гудков, ожидание худшего заставляет «сокращать объем желаемого, ценного, значимого, минимизировать свои требования и запросы к жизни»²⁴. Возникает естественный вопрос: от чего зависит размер «платы», на которую люди соглашаются, и как он варьирует между странами? чем люди готовы

²³ Мы не приводим эти таблицы из соображений экономии места.

²⁴ Гудков Л. Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 6 (44). С. 47.

жертвовать и как отдельные компоненты «платы» связаны между собой?

Как мы уже отмечали в начале статьи, обратная связь между страхом безработицы и фактической заработной платой была эмпирически зафиксирована в ряде предыдущих исследований²⁵. В данном исследовании мы также проверяем эту гипотезу, хотя наши кросс-секционные данные предоставляют очень ограниченные возможности анализа влияния страха на фактическое поведение.

Поскольку заработная плата в разных странах измеряется в национальных валютах, то для приведения к единому знаменателю мы распределяем всех работников по децильным группам и далее используем это распределение как зависимую переменную в пробит-регрессии для упорядоченных (ранговых) переменных. Конечно, такая спецификация сильно огрубляет наш анализ, но она тем не менее позволяет протестировать наличие связи между страхом и заработной платой.

Если страх подавляет заработную плату, то коэффициенты для переменной страха должны быть значимыми и отрицательными. Оценки этих коэффициентов для всех стран, для которых имеется информация о заработной плате, представлены в табл. 5 (см. Приложение). Во всех «старых» капиталистических странах они отрицательны и лишь в Канаде и Дании статистически незначимы. В таких постсоциалистических странах, как Болгария, Венгрия и Россия, они незначимы, хотя и отрицательны, а для Чехии коэффициент незначим, но положителен. Эти результаты для нас стали во многом неожиданными, поскольку мы предполагали, что страх должен сильнее модерировать заработную плату в постсоциалистических странах, нежели в странах развитого капитализма. Такие ожидания исходили из того факта, что заработная зарплата в переходных экономиках отличается повышенной гибкостью. К интерпретации этого результата мы вернемся чуть позже.

Влияние страха не сводится лишь к понижающему давлению на величину оплаты труда, которая представляет собой лишь один из

²⁵ Blanchflower (1991); Aaronson D., Sullivan D.G. (1998). The decline of job security in the 1990s: Displacement, anxiety, and their effect on wage growth. Federal Reserve Bank of Chicago. Economic Perspectives (First Quarter): 17–43; Blanchflower, Shadforth (2007); Гимпельсон В., Капелюшников П., Ратникова Т. Страх безработицы и гибкость заработной платы в России.

компонентов условий занятости или совокупного вознаграждения. Совокупная «цена» может включать повышенную гибкость и в других компонентах.

В рамках обсуждаемого нами обследования возможная «плата» за страх складывается из четырех видов потенциальных «уступок», о согласии (или несогласии) на которые в случае угрозы потери работы должен был высказаться каждый респондент²⁶. В «пакет» входят готовность обучаться новым навыкам, согласие на меньшую заработную плату, согласие на менее защищенную работу и согласие на увеличение транспортных издержек. Между ними существует статистически значимая положительная корреляция, что свидетельствует о склонности людей выбирать их в «пакете», хотя далеко не всегда их выбирают все вместе в таком наборе, и полный пакет уступок, как правило, не исчерпывается перечисленными опциями.

Как страны распределяются по готовности к каждой из «уступок»? Об этом можно составить представление с помощью табл. 6 (см. Приложение), которая предлагает простой дескриптивный анализ.

Из всех четырех возможных уступок готовность к переобучению оказалась самой привлекательной (4,04 по 5-балльной шкале). Наивысшую гибкость в переобучении и освоении новых навыков выражают граждане Германии, Скандинавских и англосаксонских стран, а также Франции, Швейцарии и Словении. Для них данный частный индекс гибкости варьирует от 4,0 до 4,27. Обратим внимание: это страны, где масштабы переобучения достаточно велики, а потому такая «цена» может и не восприниматься как жертва.

Самый низкий уровень гибкости, т.е. максимальное нежелание идти на такого рода уступки, зафиксирован в Японии, за которой следуют жители Кипра и Венгрии. В целом граждане стран с переходной экономикой выражают слабую готовность к переобучению. Россия (со значением 3,87 по 5-балльной шкале) не выделяется среди последних.

Снижение зарплаток повсеместно рассматривается как наименее приемлемая мера. Среднее значение для этой уступки составля-

²⁶ Вопрос звучит следующим образом: «В какой мере Вы могли бы согласиться или не согласиться со следующими высказываниями: чтобы избежать безработицы, Вы бы согласились а) на работу, которая потребует от Вас новых навыков, умений; б) на работу с меньшей зарплатой; в) на временную работу; г) на работу, до которой потребуются дольше добираться от дома».

ет 3,00 балла, что заметно меньше средних значений для других уступок. Наибольшая гибкость по этому показателю наблюдается в Швейцарии, за которой следуют США, Ирландия, Германия, Португалия и Кипр. Лидерами по жесткости являются Венгрия (2,41) и Россия (2,42). За ними следуют Япония, Франция и Латвия. Отметим, что вербальная неготовность россиян идти на уступки в заработной плате сочетается с очень высокой степенью фактической гибкости²⁷. Уровень оплаты труда в переходных экономиках заметно ниже, чем в развитых капиталистических странах, что при прочих равных может создавать дополнительное сопротивление дальнейшему снижению. Возможно, россияне (а также граждане других постсоциалистических стран) осознают, что в случае экономического кризиса существенная адаптация их заработной платы неминуема в любом случае и не зависит от их согласия, а потому негативно реагируют на вопрос, предполагающий добровольную жертву. Наоборот, в странах развитого капитализма фактическая заработная плата высока и устойчива к шокам на рынке труда, а потому согласие на некоторое ее снижение при форс-мажорных ситуациях может восприниматься как малая жертва ради сохранения главного — работы.

Временная (на основе срочных трудовых договоров) занятость в последние годы во многих странах широко распространилась и уже не рассматривается как нечто диковинное и социально неприемлемое. Ее экспансия в ряде крупных европейских стран стала следствием попыток несколько смягчить законодательство о защите рабочих мест, не затрагивая при этом ключевых норм этого законодательства. Например, в Испании каждый третий имеет лишь временную работу, а во Франции, Германии или Италии доля работников, имеющих временную занятость, подбирается к 20%. Среднее значение индекса готовности к такой уступке составляет 3,48 по 5-балльной шкале. Лидерами по согласию на нее являются США и Ирландия (по 3,88), а также Швейцария (3,82)²⁸, лидером несогласия — Латвия (2,44), за которой следуют Япония (2,70), Россия (2,99) и Венгрия (3,04).

²⁷ Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшников. М., 2007.

²⁸ Отметим, что в этих странах, отличающихся очень либеральным трудовым законодательством, доля имеющих срочные трудовые контракты невелика (см. табл. 1).

С ростом удаленности работы от дома увеличиваются совокупные транспортные издержки, что не является привлекательной опцией (среднее значение 3,2 из 5). Максимальная уступчивость отмечается в Швейцарии (3,68) и Германии (3,65), а минимальная — опять в Японии (2,54), а также в Чехии (2,62) и Венгрии (2,79). Значение для России выше, чем в этих странах, но заметно ниже среднего (3,06).

Для оценки интегральной гибкости мы можем просуммировать частные значения по приведенным ниже шкалам (рис. 5). Более высокие значения такого индекса соответствуют большей степени готовности респондентов идти на жертвы ради сохранения работы. Мы видим, что в целом граждане в странах с более высоким уровнем страха безработицы в меньшей степени готовы идти на уступки ради сохранения работы. Граждане Швейцарии, США, Ирландии в наибольшей мере склонны к каким-либо жертвам. Занятое население Латвии, России и Венгрии демонстрирует очень низкую степень гибкости, уступая в этом отношении лишь японцам. Надо отметить, что Болгария и Чехия, хотя и в большей мере уступчивы, также располагаются во второй половине списка, ранжированного таким образом.

Японское «упрямство» может иметь несколько взаимно не исключаящих объяснений. С одной стороны, Япония всегда была страной с низкой безработицей и широко распространенной пожизненной занятостью. В этих условиях большинство респондентов может и не понимать в полной мере, что означают и зачем нужны уступки, о которых спрашивается в обследовании. С другой — соглашаться на ухудшение условий равносильно «потере лица», что плохо совместимо с японскими стандартами поведения.

Но чем можно объяснить такую значительную ригидность в установках граждан Восточной Европы? Казалось бы, достаточно сильный страх безработицы и свежий опыт переходного периода должны были «смягчить» их позиции, подталкивая к уступкам по всему фронту, но ответы респондентов обследования говорят об обратном. К тому же эта ригидность контрастирует с реальной ситуацией, которая отличается высокой степенью адаптивности в фактическом поведении граждан этих стран. Мы можем предложить несколько объяснений такого расхождения между вербальными и фактическими действиями. Во-первых, люди вынуждены идти на масштабные уступки в лю-

бом случае и независимо от собственного желания. В таком случае любые дополнительные жертвы им могут казаться чрезмерными. Во-вторых, многие в этом регионе имеют достаточно низкий уровень жизни и неблагоприятные условия занятости, которые воспринимаются как минимально приемлемый порог, за которым не остается пространства для дальнейших уступок.

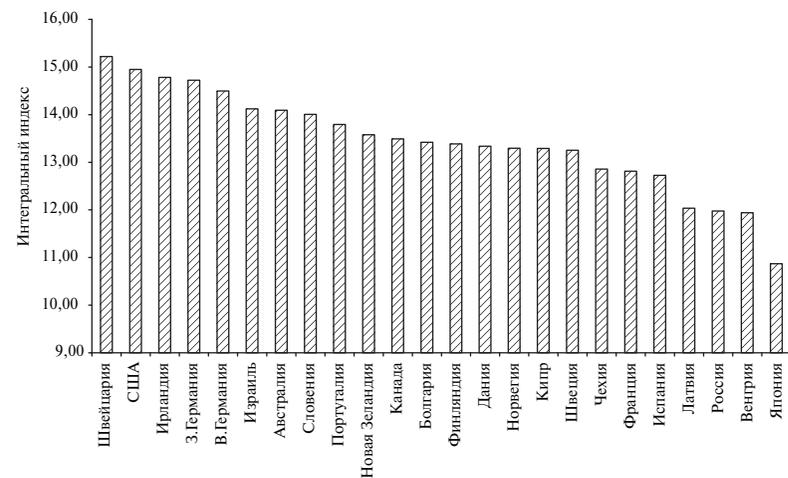


Рис. 5. Готовность «платить» за страх безработицы

Выше мы обсуждали соотношение средних значений по странам, не учитывающее различий в структуре населения. Чтобы выявить «чистые» эффекты для отдельных характеристик и для стран, мы обращаемся к бинарной пробит-регрессии и для облегчения интерпретации вместо коэффициентов при независимых переменных рассчитываем предельные эффекты. Они показывают, на сколько процентов возрастает вероятность положительного исхода для зависимой переменной при единичном изменении независимой. Поскольку наша зависимая переменная изначально является порядковой, для упрощения мы переделали ее в бинарную. Она принимает значение 1, если на соответствующий вопрос респондент ответил «полностью согласен» или «скорее согласен» (т.е. готов на соответствующие уступки), или равна 0, если выбран один из трех следующих ответов: «ни то, чтобы согласен, ни то, чтобы нет», «скорее не согласен» и «совершенно не согласен».

Мы последовательно оцениваем соответствующие уравнения для каждой из четырех уступок, а в качестве регрессоров используем те же переменные, что и в предыдущем случае с переменной для уровня страха. Эффект страны определяется с помощью страновых дамми-переменных, а Россия является «точкой отсчета» (референтной категорией), по отношению к которой ранжируются все остальные страны. В отличие от регрессий на переменную «страха» в этом случае мы включаем показатель страха (переделанный в дамми-переменную²⁹) в правую часть уравнения. Чтобы учесть региональную кластеризацию наблюдений, мы оцениваем стандартные ошибки как робастные.

Результаты оценивания представлены в табл. 7 (см. Приложение). Прежде всего отметим, что, как это ни странно, страх безработицы сам по себе при прочих равных не является значимым обстоятельством, стимулирующим людей идти на предлагаемые уступки. Наличие страха безработицы в данный момент повышает вероятность согласия на смену профессии или освоение новых навыков лишь менее чем на 4%. Он также добавляет 2% вероятности согласиться на удаленную от дома работу, но этот эффект значим с 90%-й вероятностью. В оставшихся двух случаях коэффициенты статистически неотличимы от нуля, что ослабляет наши опасения по поводу эндогенности страха и индуцированных им жертв.

Женщины в большей степени, чем мужчины, готовы освоить новую профессию или приобрести новые навыки (это различие существенно лишь на 95%-м уровне значимости) и более склонны (на 7%) согласиться на временную работу. Однако они на 9% реже соглашались на увеличение транспортных издержек. Если согласие на временную работу отражает их более слабые позиции на рынке труда, то дополнительные потери времени на транспорт ставят под угрозу выполнение ими семейных обязанностей. Интересно, что мужчины и женщины примерно одинаково оценивают возможность снижения заработной платы.

Эффект возраста кажется однозначным — с возрастом склонность к любым уступкам значимо ослабевает и достигает минимума в старшей возрастной группе (50 лет и старше). Это наиболее контрастно

²⁹ Ответы «в значительной степени» и «в какой-то степени» кодируются как 1, в противном случае — 0.

проявляется в случае профессиональной мобильности, где вероятность согласия снижается на 12%. Что касается уровня образования, то обладатели третичного образования более уступчивы, чем те, кто его не имеет. Вероятность согласия на более удаленную работу в этой группе возрастает почти на 10% по сравнению с менее образованными. Отсюда можно сделать вывод о том, что более конкурентоспособные работники обладают и большей гибкостью, лучше понимая, по-видимому, какую цену стоит платить.

Семейное положение (наличие супруги/супруга) является фактором, побуждающим согласиться со снижением заработной платы, но заставляет сопротивляться увеличению транспортных издержек (–3%). Последнее согласуется с гендерным эффектом, который мы упоминали выше. Проживание в городе положительно сказывается лишь на готовности к жертвованию зарплатой (приращение вероятности составляет 3%). Хотя в последнем случае различия значимы лишь на 95%-м уровне доверительной вероятности.

Теперь остановимся на эффектах, связанных с имеющейся работой. Предельные эффекты для переменной, соответствующей факту занятости в государственном секторе, являются отрицательными, но они все статистически незначимы. Это можно объяснить тем, что в государственном и частном секторах действуют риски разного рода, которые в итоге взаимопогашаются. В госсекторе концентрируются работники с более слабыми позициями на рынке труда, а в частном секторе сами риски гораздо сильнее. Важным институтом снижения риска на рынке труда считаются профсоюзы, но эффект членства в них статистически незначим, за исключением отрицательного влияния на готовность согласиться на временную работу.

Режим работы стимулирует уступчивость в трех из четырех рассматриваемых нами случаев. Занятость полную рабочую неделю (продолжительность более 30 ч) не влияет на согласие на временную работу, но повышает вероятность других уступок на 7–10%. Наличие второй работы только стимулирует согласие на временную работу, повышая его вероятность на 4%.

А как выглядят межстрановые различия? Об их знаках и масштабах можно судить как по табл. 7, так и по рис. 6, построенному на основе табл. 7. Высота столбиков характеризует увеличение вероятности согласия на соответствующие уступки по сравнению с референтной страной, в качестве которой принята Россия. Основной вы-

вод заключается в том, что постсоциалистические страны значительно отличаются от «старокапиталистических» стран более высокой ригидностью поведенческих установок населения, а россияне выделяются даже на фоне типологически близких стран.

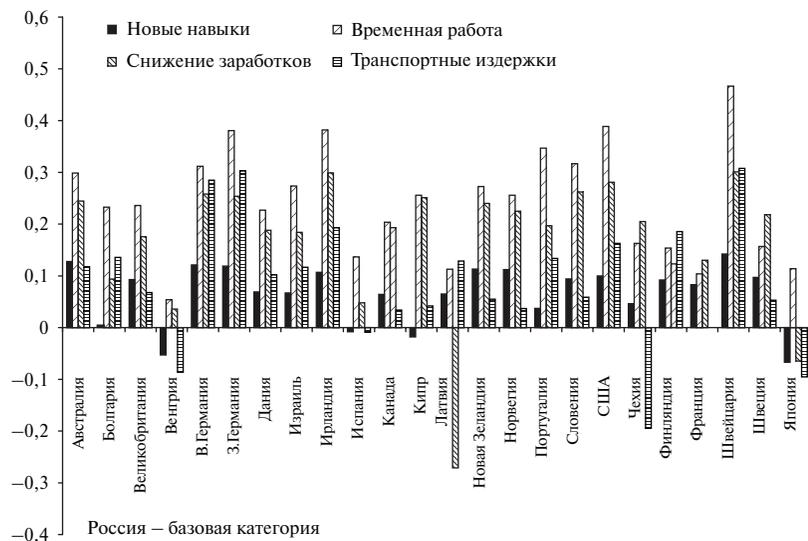


Рис. 6. Согласие на уступки ради сохранения занятости, предельные эффекты из уравнивания пробит-регрессии

Лишь три страны демонстрируют менее выраженную, чем в России, готовность переучиваться в ответ на угрозы потери работы — Кипр, Япония, Венгрия. Что касается первых двух, то, во-первых, это страны с устойчиво низкой безработицей, непривычные к этой проблеме в ее острой форме. Во-вторых, значительная часть и киприотов, и японцев занята в малом бизнесе, который обычно и так мультипрофессионален. Что же касается Японии, то проблема «потери лица», типичная для японской культуры, также может формировать негативное отношение к любым уступкам на рынке труда.

Готовность переобучаться в России, Болгарии и Испании примерно одинакова, а такие постсоциалистические страны, как Латвия и Чехия, статистически хотя и отличаются от России (в них склонность к переобучению выше), но значения вероятностей выше всего

на 5–7%. Близкие к ним значения имеют Португалия (+4%), Канада, Израиль и Дания (+6–7%). Наоборот, максимальные значения гибкости по отношению к переобучению наблюдаются в Швейцарии (+14%), Австралии (+13%), Германии (+12%), Новой Зеландии и Норвегии (+11%), США (+10%).

Склонность к уступкам в заработной плате минимальна в России. Венгрия (+5), Франция (+10%) и Латвия (+11%) идут следом, но на статистически значимом «расстоянии». Максимальная же гибкость проявляется в Швейцарии (47%), США (39%) и Ирландии и Западной Германии (38%) — странах с высокой и «жесткой» заработной платой.

В наименьшей степени при прочих равных готовы соглашаться на временную работу граждане Латвии (–27% по отношению к России) и Японии (–7%). Гибкость россиян в этом отношении несколько выше, но статистически значимо уступает всем остальным странам. Опять максимальную гибкость готовы проявить граждане США, Швейцарии и Ирландии. Напомним, что в этих трех странах временная занятость распространена относительно слабо, поскольку в условиях либерального регулирования в ней нет особой необходимости.

Наконец, мы переходим к анализу потенциальной готовности тратить больше времени на дорогу до работы. Лидерами жесткости являются Япония и примыкающие к ней в этом Венгрия и Чехия. Россияне на словах гибче, чем жители этих стран, мало отличимы от французов и испанцев, но значительно жестче, чем все остальные. Максимально же гибки в этом отношении жители Швейцарии и Германии. В этих странах внутренняя территориальная мобильность является нормой и не отпугивает соискателей работы.

Регрессионный анализ, предполагающий принцип «при прочих равных», в целом подтверждает результаты простых сравнений страновых средних. Чем ниже фактическая безработица, тем слабее эмоции и сильнее склонность людей поддерживать ее низкий уровень своими практическими и «антикризисными» действиями. Наоборот, страны Восточной Европы и примыкающая к ним в этом Япония (хотя, возможно, и по иным причинам) демонстрируют выраженное нежелание уступать. Другое дело, что высказываемые в ходе опроса намерения могут не совпадать с реальными действиями людей.

Заключение

Любой страх сковывает разум и не способствует поиску оптимальных решений. Именно это, по-видимому, имел в виду Ф. Рузвельт в своей известной инаугурационной речи, говоря о том, что «больше всего мы должны бояться страха». Чрезмерный страх безработицы не исключение; при определенных условиях он парализует и рядовых граждан, и политиков, мешая рациональным поискам эффективных способов борьбы с той же безработицей. Правда, парадокс заключается в том, что, помогая «придерживать» заработную плату, он сам может стать инструментом сдерживания безработицы.

Данная статья посвящена теме субъективного восприятия социальной незащищенности на рынке труда, одним из индикаторов которого и является страх безработицы (или страх потери работы). Выражаемый работниками страх представляет исследовательский интерес с нескольких точек зрения. Во-первых, он негативно влияет на силу переговорной позиции работников в ходе торга с работодателем и тем самым участвует в подстройке заработной платы к условиям рынка труда. Во-вторых, его интенсивность является косвенной оценкой эффективности институтов социальной защиты, неявно призванных купировать страх. В-третьих, уровень страха, будучи субъективной характеристикой социального благополучия в сфере труда, позволяет сравнивать между собой страны или различные социальные группы.

Наше исследование, использующее микроданные ISSP за 1997 и 2005 г. по 30 странам, фиксирует значительную межстрановую вариацию в значениях индекса страха безработицы. В наименьшей степени безработицы боятся жители англосаксонских и Скандинавских стран, а в наибольшей — работники в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы, включая Россию. Такие различия, по-видимому, носят устойчивый характер и характерны как для 1997 г., так и для 2005 г.

Эмпирический анализ выявил интересные взаимосвязи между индексом страха и отдельными макроэкономическими и институциональными характеристиками изучаемых стран. Данные говорят о том, что фактический уровень безработицы повышает страновой индекс страха. Для постсоциалистических стран эта зависимость действует

в более слабой форме, поскольку здесь высокий уровень опасений может достигаться и при умеренной безработице. Это, по-видимому, отражает как более рациональное отношение населения стран с развитой капиталистической экономикой к реальным рискам рынка труда, так и наличие в этих странах эффективных механизмов социальной поддержки безработных. Другая интересная зависимость — это связь между законодательной защитой рабочих мест, проявляющейся через введение обязательных издержек, которые несет работодатель при увольнении работников, и уровнем страха потери работы. Интуитивно очевидная гипотеза о наличии значимой обратной зависимости (жестче защита — меньше страха) не подтверждается имеющимися данными. Одно из возможных объяснений этого парадокса — в неоднородной совокупности стран: в постсоциалистических странах доверие к институтам социальной защиты, включая информент принятых правил, достаточно слабое, тогда как негативный опыт переживания безработицы в условиях трансформационной рецессии по-прежнему остается сильным.

Однако страх безработицы не является лишь страновой характеристикой. Он варьирует по отдельным социальным группам между странами и внутри стран. Например, «боящихся» при прочих равных меньше среди мужчин — обладателей третичного образования, работников младших и старших возрастных групп и тех, кто имеет семью. Интересно, что занятость в государственном секторе ослабляет опасения потери работы, наличие второй работы никак не влияет на страх потерять первую, а членство в профсоюзе или наличие работы с полной продолжительностью рабочей недели его усиливает. Эти выводы сохраняются и в том случае, когда мы контролируем страну проживания.

Грубый анализ взаимосвязи между уровнем страха и уровнем заработной платы показывает наличие обратной зависимости, подтверждая выводы других исследований. Интересно заметить, что подобный эффект страха варьирует между странами, оказываясь максимальным там, где и уровень безработицы, и доля самих «испуганных» относительно низки. Наоборот, этот эффект оказывается менее явным в постсоциалистических странах, где он априори более ожидаем. Возможно, в этом нашла отражение специфика момента исследования (2005 г.), когда экономика этого региона бурно росла,

толкая вверх заработные платы на фоне снижения безработицы и ожидания дефицита рабочей силы.

Конечно, вывод, сделанный выше, не предполагает снижения заработной платы как прямое следствие страха. Возможно, это эффект того, что работники с более слабыми конкурентными позициями на рынке труда одновременно и больше боятся потерять работу, и имеют низкую заработную плату.

Потенциальную «цену», которые работники готовы платить за то, чтобы «страхи» не реализовались, мы анализировали, поставив ее в прямую зависимость от интенсивности страха. Компоненты цены включают готовность обучаться новым навыкам, согласие на меньшую заработную плату, согласие на менее защищенную работу и согласие за увеличение транспортных издержек. Анализ показывает здесь устойчивую иерархию приоритетов: во всех странах люди скорее готовы переобучаться, чем соглашаться на ухудшение условий занятости. Что же касается ранжирования стран, то в максимальной степени к уступкам готовы жители Швейцарии, США, Ирландии и Германии, а в минимальной – японцы и восточноевропейцы, включая и россиян. Но если «японский случай» понятен как с экономической, так и с социально-культурной точек зрения, то восточноевропейскому упорству трудно найти рациональное объяснение. По-видимому, работники могут считать, что их уровень жизни и так слишком низок, чтобы идти на дополнительные уступки, эффект которых неочевиден, а общий ход событий на рынке труда в любом случае остается вне их власти.

Приложение

Таблица 1. Рынок труда в 2005 г.

Страна	ВВП на душу, долл., PPP	Уровень занятости, % (15–64)	Уровень безработицы, %	Жесткость регулирования занятости (баллы 0–100)	Доля временной занятости, 2000 г.
Австралия	31,8	71,6	5,2	17	Н. д.
Болгария	9,0	49,6	10,1	44	Н. д.
Великобритания	33,2	72,6	4,7	14	6
Венгрия	17,9	56,9	7,2	37	7
Германия	29,4	65,5	11,3	55	13
Дания	33,9	75,5	4,9	20	10
Израиль	25,9	53,5	9,0	33	Н. д.
Ирландия	38,5	67,1	4,3	33	4
Испания	27,2	64,3	9,2	66	33
Канада	33,4	72,5	6,8	14	14
Кипр	22,7	59,8	5,3	Н. д.	Н. д.
Латвия	13,6	52,7	8,7	59	Н. д.
Новая Зеландия	25,0	74,6	3,8	7	Н. д.
Норвегия	41,4	75,2	4,7	38	9
Португалия	20,4	67,5	8,1	58	21
Россия	10,8	61,1	7,2	44	5
Словения	22,3	55,3	5,8	64	Н. д.
США	41,9	71,5	5,1	8	4
Финляндия	32,1	68,0	8,5	48	18
Франция	30,4	62,3	9,9	66	14
Чехия	20,5	64,8	8,0	24	8
Швейцария	35,6	77,2	4,5	17	11
Швеция	32,5	73,9	7,8	43	15
Япония	31,3	69,3	4,6	19	16

Источники: Human Development Report 2007/2008, <http://hdrstats.undp.org/indicators/5.html>; OECD Employment Outlook. 2007. P. 246; Laborsta Database, <http://laborsta.ilo.org/>; Doing Business in 2006, 2009. IBRD, The World Bank. P. 98–100; OECD Economic Outlook, 2002.

Таблица 2. Социально-демографические и профессиональные характеристики выборки, ISSP — 2005

Страна	N (вся выборка)	N (занятые)	Средний возраст	% мужчин	% с типичным образом жизни	% семейных	% городского населения	% самозанятых	% членов профсоюза	% готовствующих к работе	% занятых полностью рабочую неделю
Австралия	1 988	1 168	43,0	50,4	59,4	68,3	84,9	12,7	25,9	25,9	73,6
3. Германия	1 114	612	42,0	52,8	17,4	59,5	67,3	10,0	15,7	20,1	73,9
В. Германия	587	312	41,8	50,0	16,3	58,3	59,6	14,1	15,7	19,9	83,4
Британия	913	523	40,8	49,3	38,7	71,1	76,3	12,6	25,4	29,0	75,1
США	1 518	1 042	41,9	51,6	35,6	58,5	100,0	13,7	12,8	20,5	83,7
Венгрия	1 012	502	39,7	56,3	17,4	61,5	69,5	9,6	10,6	26,7	93,5
Ирландия	1 001	598	38,7	58,1	47,0	51,2	64,6	13,7	27,4	23,6	74,2
Норвегия	1 322	1 048	42,4	48,2	48,2	59,0	60,2	11,0	55,9	36,8	79,4
Швеция	1 371	849	43,6	51,6	36,5	74,8	67,3	10,6	74,1	40,5	85,4
Чехия	1 226	669	41,4	54,5	13,9	63,1	65,7	13,9	13,9	24,2	93,7
Словения	1 002	510	40,2	52,0	19,4	58,6	32,8	6,3	40,0	39,6	94,9
Болгария	1 121	572	40,4	57,4	32,9	66,3	80,6	7,7	12,7	32,5	89,9
Россия	1 605	921	39,7	50,4	57,0	61,8	77,6	4,3	30,9	45,9	88,5

Окончание табл. 2

Страна	N (вся выборка)	N (занятые)	Средний возраст	% мужчин	% с типичным образом жизни	% семейных	% городского населения	% самозанятых	% членов профсоюза	% готовствующих к работе	% занятых полностью рабочую неделю
Новая Зеландия	1 309	897	42,9	49,1	54,1	65,7	80,9	14,4	18,7	29,4	74,3
Канада	933	665	41,0	46,5	74,2	60,6	90,0	10,5	28,3	37,4	78,2
Израиль	1 184	632	40,4	52,5	53,2	63,8	94,9	12,0	31,3	32,9	70,7
Япония	921	570	47,7	54,2	38,9	70,9	63,0	23,3	18,4	10,2	77,0
Испания	1 203	567	38,7	61,2	20,9	57,8	74,8	13,9	14,1	15,7	89,4
Латвия	1 067	616	41,5	41,1	30,5	58,6	73,7	5,8	17,2	40,9	93,0
Франция	1 620	941	39,8	45,9	41,3	54,6	61,5	8,6	13,9	29,2	81,9
Кипр	1 000	616	39,3	57,3	35,1	75,0	70,9	24,0	36,2	18,3	95,9
Португалия	1 837	1 139	40,7	50,8	16,6	62,6	60,2	15,2	16,6	24,2	91,9
Дания	1 598	1 234	44,2	50,5	59,7	62,0	68,6	8,5	79,3	40,0	87,4
Швейцария	1 078	703	40,8	55,0	32,7	56,9	40,1	11,2	22,2	26,6	73,3
Финляндия	1 345	751	41,6	52,5	27,0	72,3	71,0	11,7	68,3	41,3	87,6
ВСЕГО	30 875	18 658									

Таблица 3. Характеристики респондентов, которые беспокоятся по поводу потери работы*

Страна	Доля беспокоящихся по поводу потери работы среди									
	всех занятых	мужчин (женщин)	обладателей третичного образования	возрастной группы до 30 (50 +)	семейных	занятых в госсекторе	среди ISCO 1–3 (4–9)	членов профсоюза	имеющих вторую работу	
Австралия	19,1	20,1(18,3)	16,8(22,3)	17,5(20,5)	18,2(21,2)	16,6(20,0)	16(22,3)	18,7(19,3)	20,8(18,6)	
Болгария	61,9	59,5(65,2)	61,7(61,9)	58,0(59,2)	61,1(63,7)	64,5(60,4)	58,3(64,5)	78,1(59,6)	75,4(58,7)	
Британия	21,5	20,5(22,5)	18,0(23,7)	25,8(16,7)	20,7(23,5)	16,1(23,6)	21,1(21,5)	18,5(22,5)	16,1(22,2)	
Венгрия	21,7	20,4(23,5)	13,1(23,5)	17,5(19,0)	21,0(23,0)	17,2(23,4)	17,0(23,6)	22,6(21,7)	16,4(22,5)	
В. Германия	41,4	42,5(40,3)	29,4(43,8)	45,5(39,5)	41,9(40,6)	24,6(45,5)	36,4(45,5)	59,2(58,5)	46,3(40,6)	
З. Германия	29,8	33,3(25,8)	16,5(32,7)	36,5(25,1)	27,5(33,2)	17,5(32,8)	19,1(36,2)	38,3(28,2)	25,7(30,4)	
Дания	11,1	9,3(13,0)	10,4(12,2)	7,6(13,7)	11,1(11,3)	12,1(10,5)	10,5(11,8)	11,4(9,9)	9,5(11,3)	
Ирландия	10,4	11,4(9,2)	7,2(13,1)	10,2(11,4)	10,6(10,3)	7,1(11,2)	8,5(11,8)	7,9(11,4)	13,4(10,1)	
Израиль	24,2	23,3(25,2)	23,5(24,7)	23,4(22,6)	24,9(23,0)	27,2(22,7)	22,2(26,0)	25,4(23,6)	16,9(24,8)	
Испания	45,5	42,8(49,8)	42,6(46,2)	53,6(39,3)	40,5(52,2)	41,9(46,1)	41,4(47,2)	55,7(43,6)	65,6(44,2)	
Канада	16,9	20,2(14,1)	17,1(16,3)	9,2(18,9)	15,3(20,1)	14,1(19,1)	13,4(23,1)	10,7(19,8)	15,5(16,7)	
Кипр	18,4	16,7(20,7)	7,1(24,5)	24,2(17,7)	16,2(25,0)	2,7(22,0)	4,4(25,8)	11,1(22,5)	11,4(18,8)	
Латвия	58,0	53,8(60,9)	54,3(59,6)	42,9(58,9)	59,0(56,6)	60,0(56,6)	50,2(62,8)	56,6(58,3)	51,3(61,0)	
Н. Зеландия	13,6	13,2(14,1)	12,9(14,5)	13,5 (14,4)	12,3(16,2)	16,2(12,6)	14,3(12,8)	20,4(12,1)	13,7(13,7)	

Окончание табл. 3

Страна	Доля беспокоящихся по поводу потери работы среди									
	всех занятых	мужчин (женщин)	обладателей третичного образования	возрастной группы до 30 (50 +)	семейных	занятых в госсекторе	среди ISCO 1–3 (4–9)	членов профсоюза	имеющих вторую работу	
Норвегия	16,9	16,5(17,2)	14,9(18,7)	13,7(18,7)	17,1(16,5)	15,9(17,5)	14,5(19,3)	17,4(16,2)	15,4(17,2)	
Португалия	34,1	32,7(35,5)	34,4(34,0)	41,0(29,6)	32,9(36,0)	31,9(34,8)	31,9(35,0)	32,2(34,5)	28,1(34,4)	
Россия	49,3	45,7(52,9)	48,6(50,1)	48,3(47,8)	49,3(49,3)	53,5(45,6)	32,3(67,7)	55,7(46,3)	44,7(49,9)	
Словения	43,2	43,6(42,7)	35,4(45,2)	33,7(34,8)	43,8(42,3)	43,0(43,3)	40,5(45,4)	45,8(41,4)	33,3(44,6)	
США	19,8	20,3(19,4)	11,6(24,5)	16,4(20,3)	18,7(21,5)	16,4(20,7)	11,7(25,5)	16,5(20,3)	16,1(21,2)	
Финляндия	10,5	9,2(12,0)	9,8(10,5)	9,4(12,4)	8,2(16,1)	11,4(9,6)	10,2(10,7)	11,4(8,2)	10,7(10,3)	
Франция	27,1	26,8(27,4)	20,2(31,6)	19,7(26,2)	49,4(50,6)	21,7(29,4)	20,9(31,3)	26,0(27,3)	39,8(25,7)	
Чехия	34,1	28,7(41,7)	23,7(35,9)	20,2(38,1)	34,1(34,4)	35,2(33,8)	24,2(38,3)	44,1(32,5)	39,3(33,3)	
Швейцария	19,9	19,8(20,0)	17,8(20,9)	15,4(18,8)	21,8(17,0)	18,7(20,1)	16,8(22,5)	22,9(19,0)	17,3(20,4)	
Швеция	16,2	16,2(15,9)	13,0(17,5)	20,0(14,7)	15,3(18,2)	14,9(16,9)	15,1(17,0)	17,2(12,8)	18,2(15,6)	
Япония	20,8	18,4(23,6)	16,7(23,3)	19,4(22,2)	16,8(30,8)	15,8(21,3)	17,1(22,2)	22,1(20,4)	24,2(20,6)	

* В скобках даны доли беспокоящихся потерять работу среди альтернативной группы, например среди имеющих третичное образование (среди не имеющих такового).

Таблица 4. Коэффициенты регрессии, ordered probit, зависимая переменная – вопрос: «В какой степени Вы опасаетесь сейчас потерять свое основное место работы? (1 – совершенно не беспокоит вероятность потери работы, 4 – очень беспокоит)

Независимые переменные	Спецификация 1		Спецификация 2	
	β	SE	β	SE
Пол (м. – 1, ж. – 2)	0,091***	0,027	0,059 ***	(0,020)
Возраст				
15–29	–0,011	0,052	–0,053	(0,049)
30–49	0,130***	0,032	0,101***	(0,027)
50+	база		база	
Послешкольное (третичное) образование	–0,249***	0,051	–0,169***	0,030
Наличие семьи	–0,091**	0,036	–0,100***	0,023
Город/село (1/0)	0,016	0,043	0,032	0,024
Занятость в государственном секторе (1/0)	0,015	0,063	–0,091**	0,042
Занятость более 30 ч в неделю (1/0)	0,218***	0,047	0,100***	0,028
Членство в профсоюзе	–0,160**	0,064	0,075***	0,027
Наличие второй работы	0,001	0,043	0,003	0,026
Страна:				
Австралия			–0,773***	0,015
Болгария			0,203***	0,014
Великобритания			–0,756***	0,014
Венгрия			–0,588***	0,016
В. Германия			–0,210***	0,020
З. Германия			–0,531***	0,020
Дания			–1,09***	0,023
Израиль			–0,749***	0,012
Ирландия			–1,210***	0,020
Испания			–0,173***	0,022
Канада			–0,834***	0,017
Кипр			–1,11***	0,020
Латвия			0,170***	0,015
Новая Зеландия			–0,993***	0,016
Норвегия			–0,980***	0,018
Португалия			–0,246***	0,017
Словения			–0,391***	0,016

Окончание табл. 4

Независимые переменные	Спецификация 1		Спецификация 2	
	β	SE	β	SE
США			–0,929***	0,020
Чехия			–0,224***	0,020
Финляндия			–1,098***	0,216
Франция			–0,554***	0,128
Швейцария			–0,808***	0,019
Швеция			–1,01***	0,021
Япония			–0,767***	0,026
Россия			база	
Количество наблюдений	17 813		17813	
Wald chi2	125,41		9027,46	
Prob >chi2	0,0000		0,0000	
Pseudo R2	0,011		0,0572	

Таблица 5. Связь страха потери работы и заработной платы (ordered probit, зависимая переменная – децили заработной платы)

Страна	Влияние страха безработицы на зарплату	
	β	SE
Австралия	–0.354***	0.082
Болгария	–0.074	0.114
Венгрия	–0.171	0.154
В. Германия	–0,648***	0,142
З. Германия	–0,433***	0.106
Дания	–.099	.100
Канада	–.204	.125
Латвия	–.218**	.095
Норвегия	– 0.440***	0.090
Россия	–.051	.076
Словения	–.252*	.134
США	–.259***	.094
Финляндия	–.444***	.138
Чехия	.009	.094
Швейцария	–.188*	.107
Швеция	–.249**	.101

Таблица 6. Согласие на изменение условий занятости, чтобы избежать безработицы (средние и стандартные ошибки, 1 – не согласен, 5 – согласен)

Страна	Новые условия занятости							
	Новые навыки, профессия		Снижение зарплаток		Временная работа		Удаленность работы от дома	
	Средняя	SE	Средняя	SE	Средняя	SE	Средняя	SE
Австралия	4,13	0,02	3,17	0,03	3,68	0,03	3,28	0,03
Болгария	3,91	0,04	3,01	0,05	3,27	0,05	3,34	0,05
Британия	4,01	0,04	2,97	0,05	3,45	0,05	3,15	0,05
Венгрия	3,79	0,05	2,41	0,06	3,04	0,06	2,79	0,06
В. Германия	4,31	0,04	3,16	0,07	3,69	0,06	3,66	0,06
З. Германия	4,26	0,04	3,35	0,05	3,71	0,04	3,65	0,05
Дания	4,17	0,03	2,83	0,04	3,51	0,04	3,19	0,04
Израиль	4,13	0,04	3,15	0,05	3,60	0,05	3,35	0,05
Ирландия	4,13	0,04	3,43	0,05	3,88	0,04	3,45	0,05
Испания	3,89	0,04	2,76	0,06	3,20	0,06	3,04	0,06
Канада	4,01	0,04	2,98	0,05	3,61	0,04	3,16	0,05
Кипр	3,63	0,03	3,21	0,04	3,63	0,03	3,22	0,04
Латвия	4,01	0,04	2,64	0,05	2,44	0,04	3,25	0,05
Новая Зеландия	4,08	0,03	3,09	0,04	3,63	0,03	3,13	0,04
Норвегия	4,12	0,02	3,08	0,04	3,61	0,03	3,05	0,04
Португалия	3,89	0,03	3,22	0,04	3,51	0,04	3,31	0,04
Россия	3,87	0,03	2,42	0,04	2,99	0,04	3,06	0,04
Словения	4,19	0,04	3,17	0,05	3,72	0,05	3,17	0,05
США	4,26	0,03	3,47	0,04	3,88	0,03	3,39	0,04
Финляндия	4,15	0,03	2,84	0,04	3,37	0,05	3,46	0,04
Франция	4,15	0,03	2,63	0,04	3,39	0,04	3,00	0,04
Чехия	3,90	0,03	2,86	0,04	3,58	0,04	2,62	0,04
Швейцария	4,27	0,03	3,58	0,04	3,82	0,03	3,68	0,04
Швеция	4,09	0,03	2,83	0,04	3,57	0,04	3,07	0,04
Япония	3,45	0,06	2,55	0,06	2,70	0,07	2,54	0,07

Таблица 7. Предельные эффекты, probit, зависимая переменная – согласие на изменение условий занятости, чтобы избежать безработицы (1 – совершенно не согласен, 5 – полностью согласен)

Независимые переменные	Чтобы избежать безработицы, Вы бы согласились на работу							
	требующую новых навыков		с меньшей зарплатой		временную		удаленную от дома	
	df/dx	SE	df/dx	SE	df/dx	SE	df/dx	SE
Пол (м. – 0, ж. – 1)	0,014**	0,007	–0,005	0,010	0,073***	0,009	–0,093***	0,012
Возраст								
15–29	0,119***	0,007	0,055***	0,019	0,089***	0,020	0,139***	0,017
30–49	0,118***	0,007	0,049***	0,015	0,061***	0,014	0,078***	0,011
50+								
Третьичное образование	0,025**	0,012	0,102***	0,014	0,056***	0,015	0,095***	0,012
Наличие семьи	–0,007	0,007	0,014*	0,008	0,004	0,010	–0,026**	0,011
Город/село (1/0)	0,007	0,005	0,027**	0,011	0,012	0,012	0,006	0,012
Занятость в госсекторе	–0,009	0,008	–0,005	0,014	–0,015	0,011	–0,004	0,012
Полная занятость	0,065***	0,013	0,077***	0,011	–0,005	0,013	0,100***	0,015
Членство в профсоюзе	0,006	0,011	–0,009	0,014	–0,039***	0,015	–0,004	0,015
Вторая работа	0,007	0,009	–0,002	0,011	0,041***	0,011	0,016	0,012
Страх безработицы	0,038***	0,010	–0,000	0,015	0,015	0,014	0,020*	0,012
Страны:								
Австралия	0,128***	0,001	0,299***	0,005	0,245***	0,003	0,118***	0,004
Болгария	0,002	0,004	0,233***	0,005	0,094***	0,004	0,136***	0,003
Великобритания	0,093***	0,002	0,236***	0,004	0,176***	0,004	0,068***	0,005
Венгрия	–0,053***	0,008	0,054***	0,006	0,036***	0,007	–0,086***	0,005
В. Германия	0,121***	0,002	0,312***	0,006	0,258***	0,004	0,285***	0,005
З. Германия	0,119***	0,002	0,381***	0,005	0,254***	0,005	0,303***	0,006
Дания	0,069***	0,005	0,227***	0,009	0,188***	0,008	0,102***	0,010
Израиль	0,067***	0,002	0,274***	0,004	0,184***	0,003	0,117***	0,005
Ирландия	0,107***	0,002	0,382***	0,005	0,299***	0,003	0,193***	0,005
Испания	–0,008	0,006	0,137***	0,005	0,048***	0,006	–0,009*	0,005
Канада	0,064***	0,003	0,204***	0,004	0,193***	0,004	0,034***	0,005

Независимые переменные	Чтобы избежать безработицы, Вы бы согласились на работу							
	требующую новых навыков		с меньшей зарплатой		временную		удаленную от дома	
	df/dx	SE	df/dx	SE	df/dx	SE	df/dx	SE
<i>Кипр</i>	-0,018***	0,006	0,256***	0,006	0,251***	0,004	0,042***	0,007
<i>Латвия</i>	0,065***	0,003	0,113***	0,005	-0,271***	0,004	0,129***	0,005
<i>Новая Зеландия</i>	0,113***	0,001	0,273***	0,005	0,240***	0,004	0,055***	0,005
<i>Норвегия</i>	0,112***	0,002	0,256***	0,006	0,225***	0,005	0,037***	0,007
<i>Португалия</i>	0,037***	0,006	0,347***	0,005	0,197***	0,005	0,134***	0,006
<i>Словения</i>	0,094***	0,003	0,317***	0,007	0,262***	0,005	0,059***	0,009
<i>США</i>	0,100***	0,002	0,389***	0,005	0,281***	0,003	0,163***	0,006
<i>Чехия</i>	0,046***	0,006	0,163***	0,006	0,205***	0,005	-0,194***	0,006
<i>Финляндия</i>	0,092***	0,003	0,154***	0,010	0,123***	0,009	0,186***	0,010
<i>Франция</i>	0,083***	0,002	0,104***	0,004	0,130***	0,004	-0,000	0,003
<i>Швейцария</i>	0,142***	0,001	0,467***	0,004	0,301***	0,004	0,308***	0,006
<i>Швеция</i>	0,097***	0,003	0,157***	0,010	0,218***	0,007	0,053***	0,010
<i>Япония</i>	-0,067***	0,007	0,114***	0,006	-0,065***	0,006	-0,095***	0,007
<i>Россия</i>	База		База		База		База	
N	17 360		17 265		17 291		17 251	
Wald chi2								
Prob >chi2								
Pseudo R2	0,0803		0,0517		0,0728		0,0577	

Препринт WP3/2009/04
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А.

Страх безработицы и поведение работников на рынке труда: опыт межстрановых сопоставлений

Выпускающий редактор *А.В. Заиченко*
Корректор *Ф.Н. Морозова*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Отпечатано в типографии Государственного университета –
Высшей школы экономики с представленного оригинал-макета.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3.
Усл. печ. л. 2,79. Заказ № . Изд. № 1112

Государственный университет – Высшая школа экономики.
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Государственного университета – Высшей школы экономики.

Тел.: (495) 772-95-71; 772-95-73

Для заметок

Для заметок

Для заметок
